

18+

Жанна Жердер

Ланцелот

Love story

Жанна Жердер

Ланцелот. Love story

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602426

ISBN 9785449801333

Аннотация

История любви за кулисами провинциального театра. Выпускник Санкт-Петербургской консерватории приезжает в северный город Новокуйск, где начинает театральную карьеру, встречает и теряет свою любовь.

Ланцелот

Love story

Жанна Жердер

© Жанна Жердер, 2020

ISBN 978-5-4498-0133-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Ты навек владеешь мною, лишь к тебе я рвусь мечтою!

Да, в тебе весь мир, ты – божество, ты – мой кумир!» Руки Инны Израилевны уже воспарили над роялем, чтобы «замесить» брагурный кальмановский проигрыш, но прозвучал знаменитый хлопок, и кисти концертмейстера, словно два толстеньких голубя опустились на внушительные колени.

– Нет, это все не то, дорогой мой! Эдвин – юный, пылкий, а ты стоишь, пень пнем, и вопишь изо всех сил. Кстати, мною в этом дуэте были поставлены довольно откровенные мизансцены, я почему-то ни одной из них не вижу. Галя, что это за ввод?

Грачевская, покрылась пятнами, но молчала, понимая, бесполезность любых оправданий.

Инна Израильевна осторожно – вдруг шеф заметит – по-

смотрела на часы и нервно заерзала на стуле: уже половина пятого, в шесть нужно забирать внука из детского сада, а репетиция, похоже, затянется надолго. Каляев, угадавший колебания большого тела, не поворачиваясь, сказал:

– Инночка, вы можете идти, только пришлите Наташу, ей все равно нужно будет принимать ваши спектакли, когда вы уйдете на заслуженный отдых...

– Нет, нет, Сан Саныч, я никуда не спешу, – прервала шефа Инна Израильевна, – а на пенсию я не собираюсь, мне до пенсии еще далеко...

– Тогда, Инночка, сидите и не дергайтесь, это меня отвлекает.

Каляев выдержал еще одну паузу, которая всем находившимся в репетиционном зале показалась вечностью, и продолжил разнос.

– Галя, я не понимаю тебя! У меня создается впечатление, что мы с тобой никогда не работали над этим спектаклем. Я-то надеялся, что именно ты сможешь ввести молодого артиста, объяснишь ему, что и к чему в этой версии.

– Саша, мы только начали репетицию, и ты вошел. Возможно, если бы ты сказал, что придешь, мы бы подготовились и что-нибудь тебе показали...

– Ну, знаешь, если бы ты правильно расставила акценты, был бы виден хотя бы намек, на то, что я ставил. Но ты даже этого не потрудилась сделать!

Грачевская побледнела и дрожащими руками достала

из сумочки пачку сигарет и зажигалку. Арсений инстинктивно дернулся, чтобы помочь ей прикурить, но Галина Сергеевна бросила на него столь выразительный взгляд, что он понял – сейчас его галантность выглядит просто нелепо. Она подошла к окну, приоткрыла форточку и, глубоко затянувшись сигаретой, выдохнула дым в морозные сумерки.

– Александр Александрович, вы поручили мне этот ввод. А сами приходите на вторую репетицию и вмешиваетесь...

– А-а-а, так значит, Галина Сергеевна, я вам помешал. Ну что ж, как на Руси говорится, дуракам полработы не показывают...

– Саша, но это не полработы, это одна восьмая, которую даже гениям не показывают, не то что дуракам...

Грачевская хорошо знала, что, закамouflированная лесть действует даже на умных мужчин. Каляев легко поднялся из кресла, и направился к двери.

– Хорошо. Творите дальше. Зайду через неделю.

Прежде, чем за Каляевым закрылась дверь репетиционного зала, Галина Сергеевна ловко положила недокуренную сигарету на край стола (пепельниц в театре не было, курить было строго запрещено, запрет нарушался только женой худрука), и выпорхнула вслед за ним.

– Саш, не сердись пожалуйста!

– А конфетку? Это я уже много раз слышал: «Ты на меня сердишься? Скушай конфетку!»

– Саш, я тебе обещаю, что точно введу его в рисунок...

– Да разве в рисунке дело? Он смотрит на тебя, как на за-
вуча школы и обнимает скрюченными руками...

– Ну давай введем его с кем-нибудь из молодых актрис...

– А ты с кем будешь играть? В театре сейчас нет героя,
и ты прекрасно это знаешь. Или ты вообще готова отказаться
от роли? – Каляев внимательно посмотрел в глаза жены
и лукаво усмехнулся. – Не бойся, как муж я бы еще мог тебя
отпустить, но как худрук театра, никогда не принял бы твоей
отставки. Проводи меня до кабинета.

Они шли по темному зрительскому фойе. До вечернего
спектакля оставалось два с половиной часа, еще не пришли
билетеры и гардеробщики. В стеклах портретов, висевших
на стенах, отражались мерцающие в окнах огни уличных фо-
нарей и проезжавших мимо машин, освещая то одно лицо,
то другое. Как будто и нынешние и ушедшие актеры привет-
ствовали своего предводителя и его королеву.

– Нужно, чтобы он чувствовал в тебе партнершу, а не же-
ну главного режиссера. Поговори с ним по душам, ты же это
умеешь. Познакомься с его девушкой, если она у него есть.
Подружись с ним. Пока он видит в тебе только небожитель-
ницу. Спустись к нему. Кстати, пусть он проводит тебя сего-
дня, когда ты пойдешь домой. Я приду поздно, у меня тен-
нис.

– А я думала этот вечер мы проведем вместе... С кем иг-
раешь?

– С Пичигиным, заместителем мэра по строительству.

Мы же собираемся строить малую сцену? – хитро подмигнул жене Каляев и, поймав разочарованное выражение ее лица, добавил. – Галина Сергеевна, а вас ведь ждут! Встретимся вечером, – он приобнял ее и привычно поцеловал в шею, в только ему известное местечко, прикосновение к которому обычно решало все конфликты их не очень-то простой семейной жизни, затем мягко отстранил ее и сказал. – Иди!

И она послушно пошла по темному коридору.

Сигарета, оставленная Грачевской, никак не хотела гаснуть, сладковатый дымок поднимался к потолку и улетал в форточку. Это была тоненькая коричневая сигаретка, не встречавшаяся в табачных киосках города Новокукуйска. Арсений смотрел на нее, как замороженный, и боролся с желанием взять ее и затянуться, ощутив губами мундштук, к которому только что прикасались ее губы...

– Да затушите вы ее! А то меня стошнит от этого дыма! – как будто бы издалека донеслось визгливое меццо Инны Израильевны. – Вот завела привычку... От голоса и так уже рожки да ножки остались, а она еще и курит...

Он хотел было возразить, сказать что-то в защиту Галины Сергеевны, но внезапно понял, что спорить с Инной Израильевной все равно что с ведущим телевизионного ток-шоу – никогда не докажешь свою правоту. Он уже знал, что в театре все считают Грачевскую выскочкой, получающей главные роли, только благодаря мужу-худруку, знал, что все демон-

стративно морщатся, когда она поет, если конечно Каляев этого не видит. Но Арсению нравился мягкий несильный голос Грачевской. И когда окружающие говорили о ней: «Ну, какая же она Сильва с таким голосом?», Арсению хотелось возразить, что Сильва – кабаретная певица и «консерваторский» голос здесь даже не очень-то уместен. Но он молчал, восхищенно взирая на актрису Грачевскую, он вообще был не очень-то разговорчив. Да и с кем разговаривать? Дружья остались в Питере, где прошло его детство и студенчество в консерватории, и куда он так надеялся вернуться...

– Простите, я немного задержалась, – сквозняк от резко открытой двери сбросил половинку так и не потухшей сигареты со стола.

Арсений поднял ее, да так и застыл с окурком, не зная, что с ним делать – отдать Грачевской – глупо, она явно не из тех, кто докуривает уже побывавшую на полу сигарету...

– О, Боже мой, зачем вы ее держите в руках? Давно бы потушили!

– Да мы уж не знали, куда деваться от этого дыма, – проворчала Инна Израильевна.

– Простите, Инночка! Вам, наверное, за Ванечкой в детсад уже надо бежать? Так идите! Идите, мы с текстом поработаем, – как ни в чем ни бывало, прощebetала Грачевская и, увидев, что пианистка, нерешительно поерзав, так и осталась сидеть за роялем, добавила. – А Сан Санычу мы ничего не скажем.

Это стало решающим аргументом, и Инна Израильевна с проворством обычно несвойственным людям столь внушительных габаритов, выпорхнула из-за рояля и покинула репетиционный зал на ходу восклицая:

– Спасибо Галочка! Спасибо, а то о Ванечке, кроме меня и позаботиться некому, растет, как сорная трава, у матери одни мужики на уме, а Сема мой все на своей кафедре пропадает, будь она неладна! Тоже мне, звездочет сраный... Спасибо Галочка! Я всегда говорила, что ты не только лучшая актриса, но и самый благородный человек в нашем театре!

– Ну, что же, Арсений, давайте работать, а то не сносить нам с вами головы, – с усталой иронией сказала Грачевская, когда дверь за пианисткой наконец-то захлопнулась. – Сан Саныч придет через неделю смотреть на вас. Сценой займемся позже, а сейчас прочитайте мне текст дуэта.

– Как прочитать? Это же поется... – замялся Арсений.

– Как стихи. Вы в консерватории на занятиях по сценической речи читали стихи?

– Нет, только в школе...

– Ну, значит, как в школе. Читайте!

– Сильва, люблю тебя! Ты жизнь моя, мечта моя... – он запнулся и замолчал – было странно и трудно произносить эти слова. Без музыки они напоминали ему рыбу, выброшенную на берег, давящуюся воздухом в поисках воды.

– Почему вы остановились? Продолжайте, – поторопила его Грачевская.

– Можно часто увлекаться, но один лишь раз любить...

– Ну же, вперед!

– Ненадолго повстречаться, чтоб навеки не забыть... Ничего, что я без выражения? – вдруг остановился Арсений, поняв, что текст он произносит чисто механически, как пономарь.

– И, слава Богу, что без выражения. А теперь усложним задачу: я ухожу, а вам нужно меня остановить, не дать мне уйти, но вместо обычных доводов и просьб, которые прозвучали бы в жизни, вы произносите этот вот текст. Начали! – Грачевская резко встала и направилась к двери. – Ну, же! – обернулась она, не услышав шагов за спиной. – Ели вы, Арсений, сейчас позвольте мне выйти из репетиционного зала – можете забыть об Эдвине, – сказала она и, теперь уже не оглядываясь, пошла прочь.

Время для Арсения как будто остановилось. Он терпеть не мог то, что в театральных учебных заведениях называют «этюды». Когда на первом курсе консерватории на занятиях по актерскому мастерству отрабатывали этюды, он сначала благополучно заболел, а потом пытался по какому-либо поводу, да и без повода «слинять» с занятий. «Ну, не сыграю я Эдвина... – подумал Арсений, – вернусь в Питер, устроюсь в какой-нибудь хор...»

Стройный силуэт Грачевской удалялся от него все дальше и дальше, вместе с мечтой когда-нибудь оказаться на сцене рядом с ней. Неожиданно Арсений оторвал, словно чугуном

налитые ноги от пола и побежал к двери, отрезав Грачевской путь к выходу:

– Сильва, люблю тебя! Ты жизнь моя, мечта моя! – задыхнувшись от стремительной пробежки, почти прошептал он.

Грачевская попыталась обойти его, чтобы достичь двери, но он раскинул руки, не давая ей такой возможности:

– Можно часто увлекаться, но один лишь раз любить. Ненадолго повстречаться, чтоб навеки не забыть, – он, словно уговаривал ее: «Не уходи, не уходи, не уходи...», слова, которые он повторял чисто механически, обрели иной, более понятный и близкий для него смысл. – Клятвы не давал тебе я ложной, счастье ожидает нас. В жизни увлекаться часто можно, но любить один только раз!

Грачевская, не отрывая от него своих удивительных фиалковых глаз, ответила:

– Красавиц много есть вокруг, чем я пленила вдруг...

Арсений отлично помнил, что в тексте пьесы в этом месте стоял знак вопроса, но никакого вопроса в интонации Грачевской он не услышал, в ее голосе, слышалось возражение, отпор, но слабый какой-то отпор, за которым обычно следует отступление и «сдача армии на милость победителя». Этот самый отпор только придал ему силы, и Арсений продолжил, наступая на Галину Сергеевну и тесня ее в центр репзала, подальше от двери:

– Много женщин есть на свете, но к одной влечет нас в сети. Только в ней, лишь в ней одной весь мир земной. Ты одна

владеешь мною, лишь к тебе я рвусь мечтою. Да, в тебе весь мир. Ты – божество, ты мой кумир.

«Наступая» на Грачевскую он и не заметил, как загнал ее к противоположной, самой дальней от двери стенке. Когда он проговаривал последние слова, отступить ей уже было некуда, ее лицо было совсем близко, и Арсению больше всего на свете хотелось сейчас же поцеловать ее... Неожиданно она ловко выскользнула из его «почти объятий» и, уже никуда не убегая, тихо и просто сказала:

– Жаль, что знать не в нашей власти, чья любовь сильнее была. От костра внезапной страсти остается лишь зола...

Слова звучали несколько обреченно и даже цинично, Арсению хотелось возразить Грачевской и он, повинувшись какому-то странному чувству, даже подошел для этого к ней, но она сама повернулась к нему и, словно перчатку противнику, бросила:

– Медленный огонь сильнее греет – это мир давно постиг. Ну, а тот, кто быстро пламенеет, тот охладевает вмиг!

– О, Сильва, ты поверить мне теперь должна вполне... – он оправдывался, словно просил прощения, словно чувствовал себя виноватым... За что? Ведь он ничего дурного не совершил. Может быть, оправдывался не за прошлое, а за будущее, видение которого пока доступно было лишь ей...

– Поверь, пройдет твоя любовь, и ты другой повторишь вновь, что женщин много есть на свете, но к одной влечет нас в сети, Только в ней, лишь в ней одной весь мир земной... –

Грачевская словно успокаивала его, как матери «заговаривают зубы» плачущему ребенку.

И, как ребенку, Арсению хотелось сказать, что «нет, не пройдет, это навсегда и т.д.», но вместо этого, как и полагалось в пьесе, он повторил то, что пелось в первом куплете, только более убежденно и даже непримиримо:

– Ты навек владеешь мною, лишь к тебе я рвусь мечтою.
Да, в тебе весь мир! Ты – божество, ты – мой кумир!

Арсений, разумеется, видел спектакль и знал, что в этом месте на проигрыше по мизансцене должен быть поцелуй. Он притянул к себе хрупкую фигурку Галины Сергеевны и был уже в сантиметре от ее всегда чуть припухших, как будто она только что целовалась, губ... Но она ловко вывернулась и, совсем уже «не в образе» сказала, словно окатила холодной водой:

– А теперь все сначала. Пойдем по тексту сцены...

Арсений послушно подошел к стулу, на котором оставил свою сумку, достал тетрадку с переписанной ролью и открыл ее на нужной странице.

– Давайте просто прочитаем текст, – Предложила Грачевская и чуть улыбнувшись, добавила, – как вы говорите «без выражения».

Они несколько раз прочитали текст сцены, и Галина Сергеевна долго рассказывала ему о том, кто такой Эдвин и почему он не может жениться на Сильве, из-за чего, как говорится, «весь сыр-бор». Арсений сначала внимательно слу-

шал, а потом его внимание переключалось то на изящные руки Грачевской унизанные какими-то необычными кольцами, то на ее по-девичьи высокую грудь, обтянутую черной «водолазкой»... Поймав очередной его взгляд, Галина Сергеевна прервала разговор:

– А, впрочем, на сегодня довольно. Приходите завтра в три часа.

За окном было уже совсем темно. Арсений вспомнил, что с утра ничего не ел и с вожделием подумал о театральном буфете. Но мечтам не суждено было сбыться.

– Вы проводите меня до дома? А то Сан Саныч сегодня играет в теннис, а мне страшновато идти по нашим закоулкам.

– Конечно, провожу, – ответил Арсений, подумав при этом: «Вот те на! Уже полвосьмого, в восемь, после первого антракта закроют буфет, и о котлетах с гречневой кашей придется забыть».

Они вышли из репетиционного класса и прошли через зрительскую часть, где Грачевская уважительно раскланивалась с билетерами, отдохавшими в ожидании антракта, и попали в актерский гардероб. Галина Сергеевна сняла с вешалки свой песцовый полушубок и протянула Арсению. Он не сразу понял, что должен помочь ей одеться, и покраснел, а она чуть улыбнулась, почувствовав его замешательство.

Выйдя на улицу, Арсений закашлялся – морозный воздух обжигал гортань. Да и в джинсах без кальсон было как-

то неудобно. «Интересно, как далеко они с Каляевым живут? – с тревогой гадал Арсений, – еще два квартала и я – труп». Она же шла не спеша, кутаясь в меховой воротник, и с каким-то вызывающе вкусным хрустом прокалывая корку притоптанного снега своими головокругительной высоты «шпильками». Через несколько минут они свернули с главного проспекта и пошли по заваленному строительным мусором переулку, где Грачевская, чтобы не упасть, то и дело хваталась за локоть Арсения – под ногами у них был голый, ничем не прикрытый, да еще к тому же неровный лед. К счастью для вконец продрогшего Арсения, вскоре они вышли к большому, со столичным размахом выстроенному дому, дойдя до угла которого, Грачевская отпустила, наконец, его локоть и сказала:

– Спасибо Арсений! Теперь вы понимаете, что спасли меня от множественных переломов и различных вывихов? Я не забуду ваш подвиг. До завтра.

– До завтра, – эхом ответил Арсений.

Как и полагалось, он терпеливо подождал, пока за Грачевской закроется дверь подъезда, и, безуспешно пытаясь согреться, трусцой побежал обратно к театру, рядом с которым находилось, так называемое Общежитие Работников Искусств.

Решение приехать сюда, в Новокукуйск, было принято в состоянии аффекта, когда он узнал, что Лариса выходит

замуж. Тогда ему казалось невозможным жить с ней в одном городе, где каждый камень на мостовой напоминал о свиданиях с ней, о ночных прогулках и иступленных поцелуях на безлюдных набережных... Первое время его терзала какая-то отчаянная звериная тоска, хотелось выть на луну от желания видеть ее рядом, чувствовать ее тело, вкус ее губ на своих губах. Но прошло несколько месяцев, и приступы тоски набегали все реже и реже – оказалось, что он вполне мог обходиться и без Ларисы. А вот без Питера ему было тошно. С детства привыкнув к великолепию улиц и дворцов, он, казалось бы, не замечал этой сумасшедшей красоты, ненавязчиво декорировавшей его жизнь. И сейчас ему странно было идти по, словно топором вырубленным, улицам промышленного города, казалось, что этот унылый пейзаж все-таки кончится когда-нибудь, как страшный сон, и он окажется где-нибудь на Дворцовой площади или на Марсовом поле. Но вместо Зимнего дворца перед ним опять выросло унылое, похожее на уездный Дом культуры здание театра, обогнув которое он оказался у дверей общежития.

В общежитии было пусто – все остальные его обитатели играли спектакль. Не раздеваясь, он прошел на кухню и поставил на плиту чайник – после «променада» с Грачевской у него зуб на зуб не попадал. Чувствуя, что может не на шутку простудиться, прошел к себе в комнату и, достав из шкафчика бутылку коньяка, открыл ее и сделал внушительный глоток. Тепло разлилось по телу. Он с благодарностью по-

думал о толстой румяной тетке-поклоннице, которая всегда вместо цветов выносила ему на сцену пакет со стандартным набором: коньяк и сервелат. Это было довольно странно, так как играл он пока только в детском спектакле «Бременские музыканты». И вот, на поклонах, когда детишки выносили актерам на сцену чахлые гвоздички, продававшиеся в фойе, она, просачиваясь сквозь толпу мелкоты, подходила к нему, Трубадуру, и, не глядя в глаза, вручала пакет. Сервелат он, обычно оставлял себе, а коньяк отдавал соседу по гримерке комику Алексею Ивановичу Корнееву большому любителю выпить. Но на прошлых «Бременских» короля играл другой артист, и коньяк пришлось принести домой.

Арсений сделал еще глоток и закрыл бутылку. Он почти согрелся, но тепло, разлившееся по жилам, напомнило о том, что с утра он ничего не ел – времени не было. Он знал, что на его полочке в общем холодильнике пусто, но все-таки пошел на кухню – выключить чайник.

Погасив конфорку под уже вскипевшим чайником, он снял крышку со стоявшей рядом кастрюли и втянул в себя запах борща, принадлежавшего чете актеров Бескудниковых, будто надеясь, что этот сытный и, почти материальный запах утолит его голод. Разумеется, этого не произошло, и Арсений, мучимый угрызениями совести, взял большой половник, неосмотрительно оставленный Ленкой Бескудниковой прямо около кастрюли, зачерпнул наваристой гущи, и, рискуя заляпать практически единственные джинсы и сви-

тер, стал нагло поглощать чужой борщ. Утолив сжимающий желудок голод, он уже привычным движением долил в кастрюлю кипятку из чайника и, от греха подальше – рядом с кастрюлей находилась огромная сковорода с котлетами – пошел к себе в комнату.

Комната была маленькая и узкая, девять квадратных метров. Все пространство занимали две кровати, большой письменный стол, неизвестно для каких нужд здесь прописавшийся, и полированный шифоньер, судя по всему отданный общежитию кем-то из актеров, поменявших мебель. Из-за по-сибирски заклеенного на зиму окна и огненных батарей в комнате было жарковато. Уже согретый Арсений стянул через голову свитер и бросил его на одну из кроватей. Кровать принадлежала тенору Пурчинскому, но поскольку тот несколько месяцев назад женился и переехал к жене, Арсений приспособил его кровать для склада одежды, не утруждая себя использованием шифоньера. Он задумчиво походил какое-то время вдоль своего «пенала», да так и не придумал, как скоротать вечерок. Телевизора у него не было, библиотекой он тоже не обзавелся. Из печатного текста – ну надо же куда-нибудь уткнуть глаза – имелась только пьеса «Сильвы». Он достал из кармана куртки свернутые в трубочку листки и, развернув их, почувствовал легкий аромат духов Грачевской, неизвестно как успевший впитаться за те несколько мгновений, что она держала их в руках. Духи ее были странными и непривычными, непохожи-

ми на те, которыми пользовались мама и Лариса. В отличие от тех, сладковато-цветочных и жизнерадостных к этим, словно грустное воспоминание в праздничный день, применялась капелька горечи...

– Ну как порепетировали? – вернувшись после удачной игры, Каляев словно принес с собой тот вихрь энергии, который всегда приводил его к победе, и Галине Сергеевне коротавшей вечер в сонной тишине квартиры, вдруг стало не по себе.

– Ну вот, не виделась полдня, а ты опять о театре... – она с ногами сидела в глубоком кресле и вышивала чехольчик на очередную маленькую подушечку, которых и без того в доме было видимо-невидимо – такое уж у нее было хобби.

– Хочешь закрыть эту тему? – Каляев, не раздевшись, прямо от входной двери подошел к ней и опустил лицо в пышный венчик ее пепельных волос.

– Как ты догадался? – Галина Сергеевна продолжала вышивать, как бы, не обращая внимания на прикосновения его губ к ее затылку. Но когда поцелуи стали подбираться к тому самому местечку на шее, она недовольно встряхнула головой, давая понять, что не настроена на ласки

– Не злись, радоваться надо!

– Чему? Тому, что ты наследил в гостиной и Нина завтра опять будет ворчать?

– Пичигин включил нас в генплан развития города. Через два года откроем малую сцену!

– Здорово.

– Плохо радуешься, натянуто как-то, не позитивно. В общем, если по Станиславскому, то не верю!

– И что мне сделать, чтобы поверил?

– Ну, хотя бы отложить свое «рукоблудие» и обнять меня, – Каляев, хотя и ни в чем не провинился, принял ее игру «в обиженную жену и виноватого мужа» – слишком уж хорошее настроение было у него в этот вечер.

– Не могу, сейчас не тот момент, – Грачевская следка «заигралась» и «вредничала» не на шутку.

– В смысле?

– Если я сейчас перепутаю нитки, то дальше у меня ничего не получится...

– А если ты меня сейчас не обнимешь, я не пойду снимать ботинки, с них натечет лужа и испортит паркет. Нужно идти на компромисс. Кстати, что за рыцаря ты вышиваешь?

– Это Ланцелот.

– А-а-а, тот самый, который увел жену у короля Артура.

– Он никого не уводил, просто, когда понял, что так влюблен в королеву, что не может жить без нее, покинул Камелот и стал странствующим рыцарем.

– Да, я что-то читал об этом. Хорошая история... Чем не тема для мюзикла?

– У Лоу уже есть такой мюзикл, называется «Камелот».

– Правда? Сейчас поищу в интернете, – оставляя на паркете маленькие лужицы, Сан Саныч прочапал в кабинет.

Игра, которой по всем правилам следовало продолжиться романтическим ужином при свечах, так и осталась неоконченной. Грачевская вздохнула с облегчением, первый раз за двадцать лет их совместной жизни ее это совершенно не расстроило. Почему? Думать об этом ей тоже не хотелось, она методично с какой-то странной самоотдачей клала стежок за стежком, словно от этого зависела ее жизнь.

Он бежал по театральным коридорам, заставляя сторониться идущих ему навстречу людей, он даже не замечал, кто это и уж конечно не успевал поздороваться. Наконец, увидев такую нужную ему дверь, он, и не думая стучаться, распахнул ее и зашел вовнутрь, с тем же порывом затворив ее за собой, и выдохнул:

– Сильва!

Она сидела перед зеркалом, снимая грим после представления, и даже не повернулась к нему.

– А я сердита на вас, ваше сиятельство. Вы не пришли на мой прощальный концерт! – это было сказано просто, как ни в чем не бывало, но за этим «как ни в чем ни бывало», он почувствовал такую ледяную стену отчужденности, словно не было в их жизни нескольких месяцев любовного безумия.

Он сделал шаг вперед, словно пытаясь пройти сквозь ле-

дьяную преграду, проломить ее, протаранить уничтожить. Обнял ее за плечи, пытаясь «расколдовать», снять невидимые чары, вернуть ту прежнюю Сильву и сказал:

– Потому что, ты никуда не поедешь!

Уж лучше бы она высвободилась из его рук, сбросила бы их! Но она просто осталась неподвижной в его объятиях, словно его руки не имели больше власти над ее телом, словно были для него неосязаемыми. Она лишь подняла на него глаза и, по-прежнему, общаясь с ним через зеркало, словно через переводчика, спокойно произнесла:

– Не говори так, Эдвин, это решено! Ведь мы же простились вчера вечером...

– Мы много раз прощались и расставались, но теперь этому конец! Я послал телеграмму родителям: «Домой не вернусь. Люблю Сильву, и никто не может разлучить меня с ней».

– Что же теперь будет? – глазах Сильвы промелькнул неподдельный страх.

– Свобода и счастье! Я буду любить ту, которую хочу любить!

– Знаешь, Эдвин, если вчера я еще раздумывала, ехать мне или оставаться, то сегодня твердо решила: еду!

– Слова... слова... холодные бездушные слова... Ты не любишь меня!

– Если бы это было так – осталась бы...

– Ну, так останься! Я не могу жить без тебя...

Арсений проснулся лишенный сил и опустошенный, будто то, что происходило во сне, случилось с ним на самом деле. Когда он, ошарашенный этим странным сном, попытался вспомнить какие-то подробности, все тело загудело, словно натянутая струна, и его охватило страстное желание повторить все снова. Он закрыл глаза, надеясь на продолжение сна, но только кровь стучала в висках, а спасительное забытие все не наступало. Промучившись минут пятнадцать, он набросил махровый халат, неосмотрительно оставленный тенором Пурчинским, и пошел в ванную. Ледяной водопад душа притупил желание, которое переместилось куда-то наверх, в область сердца, где ныло теперь потихоньку, как выброшенный на улицу щенок. «Неужели и вправду там находится душа?» – подумал Арсений. Из зеркала на него глядел «юноша бледный со взором горящим», каким Арсений никогда доселе не был. Черты лица заострились, глаза ввалились – ни дать, ни взять – узник концентрационного лагеря. И словно в настоящем узнике в нем вдруг проснулся зверский аппетит, ноги сами привели его на кухню, откуда доносились соблазнительные запахи – субретка Танька Граблина что-то жарила.

– Привет! – расцвела Граблина и потуже затянула поясok розового халата, за который все население «вороньей слободки» величало ее Пятачок. – Составишь компанию?

– Да нет, спасибо, я только чайник поставлю. – Арсений набрал полный чайник воды и поставил его на огонь.

Все остальные аборигены давно перешли на электрические чайники, которые держали в комнатах, он же за неимением оного, пользовался общим.

– А зря, – продолжила свое наступление соседка, – омлетик получился будь здоров! Присоединяйся, тебе сейчас нужно хорошо питаться, впереди премьера, – видя, что он колеблется, Танька буквально силой усадила его за стол и поставила перед ним тарелку с дымящимся омлетом.

Это было выше его сил. И, хотя он понимал, что Танька угощает его не просто так, а с матримониальными целями, и всегда под каким-либо предлогом отказывался, сегодня сил для сопротивления не было, голод взял свое.

На кухню стали потихоньку выползать другие жители театральной коммуналки.

– Доброго утречка! – в шелковом стеганом халате, словно барин со старинной гравюры, прошествовал к холодильнику Паша Бескудников, за ним семенила заспанная Ленка в полудетской пижамке. – Ну, мать, чем удивлять будешь? – с пафосом провинциального трагика обратился к жене Паша.

– Да чем хочешь, Паш! Хочешь – блинчиков испеку, хочешь – сырничков сварганю...

– А вот порадуй ты меня яичницей по-бескудниковски, – почесав затылок, провозгласил Павел.

– Паш, у нас только четыре яйца в холодильнике...

– Займи у соседей, – посоветовал Павел и направился в сторону освободившегося сортира, откуда вышел комик Аркадий Скверный. Он тоже заглянул на кухню:

– Всем доброе утро!

Присутствовавшие ответили и предпочли отвернуться, чтобы не расхохотаться – очень уж нелеп был Скверный в туфлях а ля Маленький Мук и в допотопных трениках с вытянутыми коленками. К сожалению, смех Аркадий вызывал только у коллег, зрительный зал чаще всего при его появлении на сцене хранил молчание. Разумеется это не могло не отразиться на и без того отвратительном характере комика. Дойдя до своего столика, он резко повернулся, надеясь ухватить чью-то запоздалую улыбку, но все были целиком и полностью заняты приготовлением или поглощением пищи – никто не хотел начинать день со скандала. Он нажал клавишу электрочайника и, в ожидании начал прохаживаться по кухне: пять шагов вперед, разворот и пять шагов назад. Проходя в очередной раз мимо граблинского стола, он нервно бросил:

– А ведь вы, Танечка, мне вчера репризу сорвали!

– Да что вы такое говорите, Аркадий Сергеевич! – вспыхнула Танька.

– Сорвали, сорвали. Я же вас просил, после моей реплики про быка паузу сделать, дать зрителям досмеяться.

– Я сделала, все как вы просили. Лен, ну скажи же, ведь была пауза! – обратилась Граблина к подруге.

– Была, точно помню, что была, – механически поддерживала товарку Лена, лихорадочно взбивающая яйца.

– Разве это пауза? – взвился Скверный. – Зритель и смеяться-то не успел начать!

– Да он и не собирался смеяться, ваш зритель, – резанула правду-матку Граблина.

– Я с этой хохмой всю Россию объездил, и везде смеялись!

– Когда это было? Во времена гражданской войны? Двадцать первый век на носу. Люди уже над другими вещами смеются.

– Вы слишком много на себя берете, Граблина! Вы не в праве лишать нашего зрителя простого жизнерадостного смеха!

– А я-то что – пошла на попятный Татьяна – мне Сан Саныч велел держать темпоритм...

– Ах, вот как! Все понятно! Заговор! Но учтите, что это заговор не против любимца публики Аркадия Скверного, это заговор против нашего зрителя, пришедшего на спектакль, чтобы отдохнуть от тягот трудовых будней, чтобы...

– Тань, дай займы три яйца! – прервала монолог Скверного Бескудникова, – а то Пашка скажет мало и велит еще блинчики испечь, тогда на репетицию точно опоздаем.

– И вы туда же! Со своим мужем председателем месткома! Жиреете! Аристократические завтраки устраиваете! Искусство – удел голодных!

– На голодный желудок много не напоешь! Это вы вышли,

покривлялись и думаете, что уже Государственную премию заслужили! – взвилась Танька, гордо продефилировала к холодильнику и, достав три яйца, протянула их Бескудниковой. – Держи, Ленок.

– Да я пойду к министру культуры Новокукуйской области, к губернатору, наконец! Я напишу...

Эта сцена могла закончиться не очень красиво, если бы в кухню, зевая и почесываясь, не вышла красавица Томка Ползунова.

– Кто в ванную последний? – оглядев присутствующих спросила солнцеокая и, не получив ответа, шлепнулась на близлежащий стул – Тогда я буду.

Аркадий, замерев на полуслове, так и остался стоять в своей гневной и обличительной позе, не в силах оторвать от нее глаз. Он всегда впадал в ступор при виде Томки. Бескудникова с Граблиной переглянулись и подмигнули друг другу. Арсений тоже залюбовался Томкиными формами, подчеркнутыми тесным халатиком, обтягивающим ее, как вторая кожа. Молчание прервал вышедший из ступора Скверный.

– Не хотите ли кофе, царица Тамара? У меня эксклюзивный, бразильский – могу угостить.

– Да нет, спасибо, Аркадий Сергеевич. Я от кофе потом в туалет часто по-маленькому бегаю – на репетиции неудобно.

Татьяна с Ленкой прыснули от смеха. Томка всегда от-

личалась удивительной откровенностью. Наверное именно этим можно было объяснить столь долгое сидение в девках первой красавицы королевства.

– Тогда чай! – не унимался Скверный, – Томочка, заварить вам цейлонского?

– Не-а, – зевнула Томка. – От чая у меня запор.

В это время распахнулась дверь ванной комнаты и свежепомытый и чистовыбритый Бескудников огласил низкие своды коммунальной кухни зычным «Кто может сравниться с Матильдой моей?..»

– Тьфу ты! Выругался Скверный и покинул кухню.

Томка пошла в ванную, Бескудниковы сели завтракать, Арсений предложил Таньке в знак благодарности помыть посуду, и, получив отказ – видно Граблина боялась спугнуть потенциального жениха грязными тарелками, пошел собираться в театр.

Он уже завязывал шнурки на ботинках, когда в комнату, как всегда без стука – такая уж у нее была манера – вошла Танька:

– Я уже готова, пойдём, а то опоздаем.

Арсению совсем не хотелось идти в театр вместе с Граблиной, но съеденный омлет заворочался в желудке, не то чтобы обязывая, но как-то напоминая о том, что негоже обижать девушку, угостившую завтраком. Пришлось покорно ответить:

– Я сейчас.

В театр они вошли «под ручку» и, конечно же, первым делом встретили Грачевскую, которую Арсению меньше всего хотелось встретить в данную минуту. Она мило ответила на приветствие и прошла дальше в репетиционный зал, где режиссер, приехавший из Москвы, собирал их на читку нового спектакля. После вчерашней репетиции и сегодняшнего предутреннего свидания Арсению показалось странным, что Грачевская так сдержанно поздоровалась с ним. Повинуясь завладевшему им чувству, он рванул за ней в репзал, совсем забыв, что на его руке до сих пор каким-то странным довеском болтается Танька.

– Ты куда? А раздеться?

– Да... – остановился Арсений. – Совсем забыл.

– Вот как артисты бросаются в новую работу, – слышался сзади насмешливый комментарий Павла Петровича Кассальского. – Как в омут.

– Когда-то и мы с тобой, Паша, рвали постромки, а сейчас... – заметил Алексей Иванович Корнеев.

– А что? Я и сейчас рву постромки. Разве не видно? – продолжая свой размеренный шаг ответил Кассальский. – Просто ноги уже так быстро не идут.

Арсений с Татьяной прошли в гардероб, надеясь, избежать долгих бесед с Клавдией Андреевной, бывшей примой-балериной, которая последние двадцать лет сидела в гардеробе и, разумеется, скучала. Но сейчас Клавдия Андреевна слушала какую-то передачу по радио и, не желая

упустить что-то важное, лишь кивнула в ответ на «здратье» молодых актеров.

Арсений стащил с себя куртку, сунул в рукав шапку и шарф и подошел к зеркалу, чтобы причесаться.

– А помочь мне снять пальто? – раздался сзади недовольный граблинский голос.

Оказалось, что все это время Танька прела в пальто и ждала, когда он поможет ей раздеться. «Ну, я попал!» – пронеслось в голове Арсения. Он уже сделал шаг по направлению к Таньке, но вовремя остановился и пробормотав: «Ты уж как-нибудь сама, я побегу», – выбежал из гардероба.

Войдя в репетиционный зал, он предусмотрительно сел между Кассальским и Корнеевым, чтобы рядом с ним не влезла Граблина. «Вот хватка – как у акулы. Дорого мне обходится утренний омлет», – все еще никак не мог опомниться Арсений. Только тут он заметил, что прямо перед ним сидит Грачевская. Ее коротко стриженный затылок открывал шею и Арсению вдруг страшно захотелось дотронуться, прижаться к ней губами. Сердце опять заняло брошенным щенком.

Началась читка. Молодой небритый режиссер из Москвы сначала рассказал о новом мюзикле «Чайка» местного композитора Пирожкова, мировая премьера которого должна была состояться здесь в этом театре через два месяца, а потом читал пьесу и неприятным тенорком пел музыкальные номера.

Арсений когда-то видел «Чайку» в Александринке, куда его привела мать, озабоченная культурным развитием сына. Но от того спектакля в памяти не осталось ничего, кроме откровенной скуки и бутербродов с копченой колбасой в театральном буфете.

Да и сейчас он никак не мог сосредоточиться на сюжете: то вспоминал сегодняшний сон, воскрешая в памяти самые интересные подробности, то просто глядел на хрупкие плечи и обнаженную шею Грачевской и думал о том, как бы она отреагировала, если бы он вдруг поцеловал ее – приняла бы поцелуй, ответила, или оттолкнула?

Арсений даже не заметил, когда окончилась читка, и московский режиссер стал беседовать с актерами о пьесе и характере персонажей, так как они их себе представляют. Неожиданно очередь дошла и до Арсения:

– Вот вы, молодой человек, как будущий исполнитель роли Треплева, можете сказать, о чем эта пьеса?

Вопрос застал Арсения врасплох. Он чувствовал, что все на него смотрят и ждут, когда он, наконец-то, что-нибудь скажет, и от этого соображал еще хуже. Будучи совершенно «не в теме», он где-то слышал, что все пьесы в той или иной степени написаны о любви.

– О любви, – брякнул он и, поймав взгляд обернувшейся на него Грачевской, добавил, – О невозможной любви.

– Правильно, молодой человек! – просиял московский режиссер, – Вижу, мы с вами сработаемся.

Алексей Иванович легонько шлепнул его по плечу и шепнул: «Браво, Сеня! Браво! Так держать, набирай очки, пусть москвичи знают, что мы тоже не лыком шиты!», а Бескудников важно пожал руку, словно выразил благодарность от месткома. Арсению было непонятно, что же такого мудрого он сказал, что произвел такой фурор, и в то же время было интересно, как Грачевская оценила его «выступление».

Где-то в половине третьего их отпустили, и Арсений пошел в буфет, надеясь успеть перекусить до следующей репетиции. Отсутствием аппетита Арсений не отличался, набрав полный поднос: салат, первое, второе и компот, сел за свободный столик, несмотря на то, что Граблина, успевшая занять «почетное» место напротив телевизора, усердно зазывала его к себе. «Нет уж, – подумал Арсений. – Хватит с меня омлета». Он уже начал хлебать суп, когда в буфет вошла Грачевская. Взяв без очереди чашку кофе, она тщетно искала свободный столик. Увидев, что Арсений сидит один, подошла:

– Приятного аппетита, Арсений. У вас тут свободно?

В ответ, он с набитым ртом пробурчал что-то вроде «Да, конечно», и она села. Арсений стал судорожно вспоминать правила этикета: убрал локти со стола, и попытался есть борщ беззвучно, как того требовали правила. Казавшимся до этой минуты аппетитным борщ, сразу стал безвкусным. Грачевская же не обращала на него никакого внимания. Она достала блокнотик и что-то записывала, изредка прихлебыв-

вая кофе. Арсений с тоской подумал, что отбивную тоже придется есть «по правилам», и отправился за ножом. Когда он снова сел за стол, она подняла голову от блокнота и спросила:

– Ну, Арсений, как вам новый мюзикл?

– А вам? – машинально спросил Арсений, не зная, что сказать.

– За такую роль, как Аркадина, можно простить и не очень выразительную музыку композитора Пирожкова. Правда, когда мы с Сан Санычем слушали ее в первый раз, она мне еще меньше понравилась. Кто знает, может быть, к премьере полюбится.

– А вы разве не Заречную играть будете?

– Не смешите меня, Арсений! Заречную я с удовольствием сыграла бы лет пятнадцать-двадцать назад, но тогда такого мюзикла не было. А сейчас... «Это невозможно!» – пропела она. – А вам повезло – роль пришла вовремя, – она посмотрела на часы. – Ну, теперь, вернемся к нашим баранам – через десять минут жду вас в репзале.

Она встала и между столиками пошла к выходу. Арсений заметил, что практически все трапезничавшие и стоящие в очереди проводили ее взглядом.

– А хороша наша королева, хороша! – громко сказал Касальский.

– Да-а-а уж! Сзади пионерка, а спереди-то все равно пенсионерка. Возраст не скроешь. В такие годы нужно уже

не за фигурой следить, а за лицом, чтобы не обвисло, – ревниво заметила комическая старуха Анчуткина, – а то не жрет ничего, качается как былинка на ветру, и голос кашляет. На прошлом спектакле...

Что было на прошлом спектакле, Арсений так и не услышал, потому что Анчуткина перешла на шепот и долго еще что-то в лицах рассказывала молодым актрисам, сидящим рядом с ней. Есть Арсению совсем расхотелось. Он сидел и разглядывал чашку, оставленную Грачевской, там оставалось еще немного кофе, взял ее, как свою и отхлебнул немного – рот обожгло непривычной горечью, кофе был крепкий и без сахара. «Как она пьет такую гадость? И зачем?» – пронеслось в голове.

Когда он вошел в репзал, Грачевская сидела в одиночестве.

– Я отпустила Инну Израильевну, – пояснила она, словно извинилась. – Нам все равно нужно работать над сценой второго акта, а ей опять внука из садика забирать. Для начала давайте прочитаем текст.

Арсений послушно достал довольно помятую уже пьесу и стал читать:

– Сильва!

– Графиня Канислау, – подала свою реплику Грачевская.

– Зачем вы приехали в мой дом?

– Стоп! Как вы думаете, почему он задает этот вопрос?

– Чтобы узнать, зачем она приехала...

– У вас есть любимая девушка?

– Нет... не знаю... – замялся Арсений.

– Да не смущайтесь вы так, ведь мы с вами товарищи, коллеги... Мне это нужно, чтобы объяснить вам. Ну вот сегодня вы так замечательно шли в театр под ручку с Танечкой Граблиной. Предположим у вас роман...

– Да нет у нас никакого романа! – испугался он.

– Я же сказала «предположим». Вы уехали на гастроли, пишете ей письма – не отвечает, звоните – не берет трубку. Вдруг, появляется в городе, где вы гастролируете, приходит к вам за кулисы с вашим лучшим другом. Вы радостно бросаетесь к ней, говорите: «Танечка!», а она отвечает: «Для вас Татьяна Петровна», – и добавляет ко всему этому в придачу фамилии вашего лучшего друга. И что бы вы при этом спросили?

– Какого черта она тогда приехала?

– Совершенно верно! Только в высшем обществе, к которому принадлежал Эдвин, так не выражались. Наоборот, он становится с ней предельно вежлив, словно с посторонним человеком. В общем «иду на вы», поняли? Давайте дальше... Чтобы поздравить ваше сиятельство и посмотреть на вашу очаровательную невесту, с которой вы были помолвлены еще до того, как почтили меня этим мнимым венчанием за кулисами...

Арсений смотрел на ее губы и вспоминал сегодняшний сон. Черт, если бы можно было поцеловать ее сейчас...

– Арсений, ваша реплика! О чем вы задумались?

– Почему вы пьете кофе без сахара? – вдруг спросил он, как будто действительно долго мучился этим вопросом.

– Мне так нравится... А разве это имеет какое-то отношение к этой сцене?

– Нет, не имеет... Но ведь невкусно?

– Мне – вкусно. А откуда вы знаете, что я пью кофе без сахара?

– Попробовал из вашей чашки, когда вы ушли.

– Понятно... Давайте дальше.

– Мнимым венчанием?

– Когда вы уехали, мы все очень долго смеялись...

– А тот брачный контракт, который мы подписали, тоже был шуткой?

– Разумеется, а чем же еще?

– И вы вышли замуж за Бони по доброй воле?

– Стоп! Какая у вас здесь задача?

– Понять, что же произошло... Узнать, любит она меня еще или нет.

– Правильно! А теперь я объясню вам мизансцену. Первый раз на балу вы увидели ее при большом скоплении народа – никакой возможности выяснить отношения. Вы уводите Бони и пытаетесь узнать все у него. Он – не мычит, не телится... Появляется Сильва, Бони убегает. Вы остаетесь один на один. Она тоже уходит от прямого ответа. Она ведь ни разу ничего не подтвердила, отвечая то вопросом на вопрос,

то как-то по-другому «обходя острые углы». Она все время пытается уйти от ответа. Ваша задача «расставить все точки над и», и не дать ей уйти, не ответив на ваши вопросы. Понятно?

– Понятно.

– Давайте дальше.

Он никак не мог сосредоточиться, воспоминания о сегодняшнем сне рождали болезненно-острое желание. «Интересно, что будет, если я ее сейчас поцелую? – вдруг подумал он. – Даст по морде? Пожалуется Каляеву? Выгонит из театра?»

– Вы спите, что ли? – вывел его из раздумий вопрос Грачевской. – Давайте встанем и пройдем сцену «ногами», а то вы совсем уснете. Вот та стена – зрительный зал. Бони уходит в левую кулису. Я пытаюсь, уйти за ним, вы меня останавливаете. Можете положить текст на стол. Сыграем, как этюд.

Он послушно встал, проводил взглядом «уходящего Бони» и, не дав Грачевской пройти мимо него, обнял и приник к ее губам. Она попыталась оттолкнуть его, но он только крепче сжал руки, и она, словно покорившись, перестала сопротивляться.

– Сильва... – прошептал он, не в силах дух перевести от бури эмоций, царившей в его душе.

– Графиня Канислау, – сказала она, посмотрев на него столь насмешливо, что руки Арсения сами разомкнулись, выпустив ее, как человек от сильного потрясения выпуска-

ет из рук чашку или какой-либо другой предмет, с которым до этого вовсе не собирался расстаться.

– Зачем же вы приехали сюда? – машинально спросил Арсений, хотя про себя думал: «Какого же черта ты не сопротивлялась, если для тебя это только «игра в театр»?»

– Чтобы поздравить ваше сиятельство и посмотреть на вашу очаровательную невесту, с которой вы были помолвлены еще до того, как почтили меня этим мнимым венчанием за кулисами... Вы прекрасно смотрелись сегодня утром под ручку с Танечкой Граблиной.

Арсения прошиб холодный пот:

– Но это же не по тексту!

– Но мы же играем этюд. Продолжаем дальше.

– Но при чем здесь Граблина?

– А при чем здесь поцелуй? Импровизация – есть импровизация. Вас зацепило? Это хорошо, пойдемте дальше.

– Но у меня нет ничего с Граблиной!

– А разве я говорила что-нибудь о вас с Граблиной? Ну, пусть будет не Граблина, пусть Тамара Ползунова... Да кто угодно! У Эдвины ведь тоже нет романа со Стаси, они просто помолвлены. Поэтому в данной ситуации это не имеет никакого значения. Давайте дальше

– Мнимым венчанием? – послушно продолжил сцену ошарашенный Арсений.

– Вот! Вот! Вы поймали! Запомните это пожалуйста!

– Что запомнить?

– Это ощущение. Не знаю, что именно вы чувствуете в этот момент, но со стороны кажется, что вы в конец запутались и медленно сходите с ума. Продолжаем. Разумеется, когда вы уехали, мы все очень долго смеялись!

– А тот брачный контракт тоже шутка?

– Разумеется, а что же еще?

– И вы вышли замуж за Бони по доброй воле?

– О, Бони... Бони лучший муж в мире, Бони боготворит меня.

– И вы его любите?

Она резко повернулась к нему и, словно наотмашь ударила:

– Сильва Вареску никогда бы не вышла замуж за человека, которого не любит.

Арсений почувствовал себя так, словно его публично высекли на городской площади. Захотелось уйти, скрыться, чтобы не видеть больше этой женщины, не слышать ее насмешливый голос никогда, никогда.

– В таком случае, мне больше нечего вам сказать, – произнес он свой текст и стремительно пошел к двери.

– Эдвин! – крик прорезал пространство, словно пуля или стрела пронзили ее тело.

Он резко повернулся. Он ждал, что она скажет теперь о том, что любит только его, что все, что говорила до этого, было неправдой... Но она совершенно спокойно и дерзко смотрела ему в глаза:

– Простите. Ваше сиятельство, а когда же вы последуете моему примеру? Когда же, наконец, состоится ваше настоящее бракосочетание?

Он никогда не бил женщин, ни разу в жизни... Но сейчас ему вдруг до боли захотелось ударить ее.

– Как можно скорее. Ведь когда любишь и любим с нетерпением ждешь той минуты, когда сможешь назвать ее своею.

– О, мне понятно нетерпение вашего сиятельства! – так же резко отпарировала она его «удар».

– Сегодня же будет объявлено о нашей помолвке!

– Поздравляю! – сказала она и пошла прочь.

Он бросил ей в след, словно «контрольный выстрел»:

– Надеюсь, что мы, как и прежде, останемся друзьями?

– Друзьями?!

Она повернулась к нему и сделала шаг навстречу, словно кошка, готовая прыгнуть и вцепиться прямо в лицо. Но что-то дрогнуло в ней, будто она передумала:

– А почему бы и нет... – она стремительно пошла к выходу из класса, и он снова преградил ей путь, ибо понимал, что если она теперь уйдет, то навсегда.

– А тот вечер в варьете, только сон?

– Только сон, – эхом ответила она.

– Но самый дивный сон в моей жизни... Ты, когда-нибудь вспоминаешь его?

– Очень часто... – прошептала она.

Он стал целовать ее затылок, шею, поначалу она не сопро-

тивлялась, но тут он добрался до губ...

– Так нельзя, Арсений... – сказала она, когда ей, наконец, удалось выскользнуть из его объятий. – Сцена не терпит натурализма. Разве вам не объясняли это на уроках сценического движения?

– У нас в консерватории не было этого предмета.

Она поправила прическу и сказала:

– Ну, что же... Со сценой мы разобрались. Пора перейти к музыкальному номеру.

– Но ведь вы отпустили Инну Израильевну... – с надеждой напомнил Арсений.

– Ничего. Я сейчас зайду в режиссерское управление и попрошу дать нам кого-нибудь из дежурных концертмейстеров, – сказала она и вышла из класса.

Арсений отошел к окну, открыл форточку и с наслаждением стал вдыхать морозный воздух, слегка приправленный дымом многочисленных заводов Новокукуйска. Про себя он молил небеса о том, чтобы свободных концертмейстеров сейчас в театре не оказалось. Но небеса, то ли его не услышали, то ли посчитали это излишним. Поэтому, через несколько минут Грачевская вернулась вместе с Верочкой, концертмейстером балета.

– Что вы делаете, Арсений? – сказала она, увидев, что он стоит у открытой форточки. – Простудитесь!

– Арсений послушно закрыл форточку и встал у рояля.

Репетиции продолжались. Теперь ему уже не удавалось остаться наедине с Грачевской: на каждой репетиции сидела Инна Израильевна. К тому же он репетировал сцены и с другими персонажами: Танькой Граблиной – Стасси, Толей Морденко – Бони, Кассальским – Фэрри, иногда захаживал и Алексей Иванович, несмотря на то, что у них почти не было совместных сцен – он играл Воляпюка. Иногда, во время перерывов, он отзывал Арсения в сторонку и давал довольно дельные советы, которые вроде бы противоречили тому, что говорила Грачевская. Но она бывала довольна результатом, когда Арсений использовал подсказки старого актера.

После репетиции, как правило, были спевки с дирижером Владимиром Михайловичем Зильберштейном, а потом Арсений спешил в балетный зал на урок к ассистенту балетмейстера Ниночке Удальцовой, которая показывала ему па танцевальных номеров. К тому же приходилось разучивать музыкальные номера «Чайки», репетиции которой вскоре должны были начаться. Арсений приходил в общежитие поздно вечером, в изнеможении падал на кровать и тут же засыпал. Пару раз Танька Граблина звала его на кухню поужинать вместе, но он, помня о том омлете, всегда отказывался.

Грачевская теперь ему почти не снилась. Ему вообще почти ничего не снилось, так он уставал.

– А что? Мне понравилось! – сказал Каляев, как-то зайдя к ним в класс. – Ты, Галя, просто молодец! Сразу видно – артисту четко были объяснены задачи. Ну, что же... Нужно определиться с днем премьеры и оркестровой репетиции.

Наконец, была пройдена и оркестровая репетиция. Арсений испугался, когда после того как он спел напряженный и драматичный финал второго акта, оркестранты застучали смычками по своим пультам, но Танька Граблина объяснила ему, что это на языке музыкантов значит «браво, молодец». Артисты, репетировавшие с ним, тоже выразили свое одобрение. После вполне доброжелательного «разбора полетов», сделанного Каляевым и Зильберштейном, к нему подошла Грачевская:

– Ну что же... Вы – молодец. Спасибо за то, что вынесли на сцену большую часть того, что мы с вами сделали на репетициях. А теперь отправляйтесь домой и проведите остаток дня спокойно. Никуда не ходите, много не разговаривайте, сосредоточьтесь. Завтра премьеры, – сказала она и пошла прочь, словно боясь продолжения разговора.

Арсений хотел побежать ей вслед, но остался стоять на месте – сказалась многодневная усталость.

Он пришел домой с твердым желанием лечь в кровать и проспать до завтрашнего дня. Но его планам не дано было осуществиться. Дверь в его комнату была открыта, оттуда

доносились громкая музыка в стиле радио-шансон. В комнате за письменным столом сидел тенор Витя Пурчинский. Стол был накрыт, словно в ресторане. Белоснежная скатерть, две тарелки, приборы, посередине, между всякой снеди из дорогого супермаркета, торчали бутылка шампанского и бутылка коньяка. Судя по количеству коньяка и шампанского в бутылках, Витя только-только начал свой праздник.

– А-а-а, герой-любовник? Заходи, присоединяйся! – весело сказал Витя и протянул Арсению бокал с коньяком.

– Спасибо, не могу – завтра премьера, – вежливо отказался Арсений.

– Не хочешь уважить товарища? У меня можно сказать крах всей жизни, а у тебя – премьера!

– А что случилось-то?

– Дочь у меня родилась.

– Поздравляю... А почему же крах?

– Да мы с приятелями поехали отмечать это дело на дачу, а теща приехала и меня застучала...

– С приятелями?

– Ну, понятное дело, бабы там тоже были – мы же не святые. Теперь они с тестем готовят документы на развод.

– Ну, ты бы объяснился как-нибудь с женой...

– Да при чем тут жена! Жена тут ничего не решает. Ты что, не знаешь, кто у меня тесть?

– Нет. А кто?

– Ты что, с луны свалился? Глава Администрации Ново-

кукуйска. Я ведь кто был? Принц! Сам Каляев меня выгнать не мог, как бы ему ни хотелось. Ролей, правда, не давал, ну и черт с ними, с ролями. Мне и так хорошо. Я два корпоратива отработал – и уже полугодовая зарплата в кармане. А теперь... Давай выпьем!

– Да не могу я! Сказал же...

– Или ты не друг мне? Не хочешь поддержать друга! Если ты не хочешь со мной выпить – так я с улицы кого-нибудь приведу, бродягу какого-нибудь... – Витька встал и направился к двери. Арсений представил себе, как в его девятиметровой комнате появляется бомж...

– Ладно, давай лучше я выпью...

– Вот это дело! Сеня! Золотой ты мой человек! – обрадовался Пурчинский и снова протянул ему бокал.

Арсений уже был готов опрокинуть в себя пахнущую дорогими клопами жидкость, когда дверь открылась и, как всегда без стука, ворвалась Танька Граблина.

– Это еще что такое? – забирая у Арсения бокал, сказала она. – Как тебе не стыдно, Пурчинский! У человека завтра премьеры, а ты!

– А что я? У меня жизнь под откос идет!

– Знаем мы все! Сам виноват! Нечего было по бабам ходить, пока жена в роддоме! А ну-ка вон отсюда!

– Ну, ты, подруга, перебираешь... Это моя комната, и я имею полное право здесь быть.

– Не твоя это комната, Витя. Ты отсюда уже полгода как

выписался! Так что собирай свои разносолы и вали отсюда, а то я коменданта вызову.

Коменданта, Анну Георгиевну, Витя боялся – она не раз вызывала милицию, когда он пускался в загул.

– Ладно, Татьяна Петровна... пойду к Бескудникову. Уж он-то меня поймет, – трагическим шепотом произнес Пурчинский, завязал узлом скатерть, в которой уныло звякнули тарелки с бутылками, и ушел.

– Спасибо, Тань, – виновато улыбнулся Арсений.

– Ты поосторожней с ним. У него вся эта история произошла еще неделю назад. Просто манера у него такая конкурентов перед премьерой спаивать. Тут знаешь, какие случаи бывали! – Танька многозначительно посмотрела на него. – А сейчас пойдем я тебя обедом покормлю. Ты ведь в театре ничего не ел.

– Спасибо, Таня, я не хочу, – твердо сказал Арсений и, предвосхитив уговоры, добавил. – Правда, не хочу.

– Ну, ладно. Отдыхай, – не в силах скрыть огорчения пробубнила Танька. – Только дверь закрой на ключ. Сейчас его Ленка Бескудникова выгонит – так он опять к тебе придет.

На следующий день Арсений спал до двенадцати. В половине первого встал, выпил чаю и поехал на вокзал – в четырнадцать десять должен был прибыть поезд из Санкт-Петербурга. Он даже не предполагал, что мама захочет приехать на премьеру. Она не одобряла прежде ни его выбора профессии, ни того, что после консерватории он поехал сюда, в Но-

вокукуйск, не попытавшись найти работу в Питере. Поэтому он слегка волновался, и даже купил три чахлые гвоздички, чтобы придать встрече определенную торжественность.

Поезд пришел вовремя. Из вагонов на новокукуйский перрон высыпали питерцы. Конечно, наверное большая часть была новокукуйцами, приехавшими из командировок, но Арсению хотелось думать, что это питерцы. Ему казалось, что даже запах они привезли с собой особый, питерский... Он подбежал к нужному вагону и лицом к лицу столкнулся с матерью – видимо, она только что вышла. Они обнялись, и вдруг он увидел, что за спиной матери стоит Лариса.

– Привет... – только и смог он сказать. Потом почему-то добавил. – Какими судьбами?

– Да вот приехала со мной на твою премьеру, – ответила за нее мать.

– Понятно...

Лариса молчала. Видимо, она рассчитывала на более теплый прием.

– Ну, что ж, пойдете, – Арсений взял чемоданчик матери, сумку Ларисы и зашагал по перрону. Мать еле поспевала за ним. Лариса плелась сзади. «Как же мне их разместить, – думал Арсений. – И что мне теперь делать с Ларисой? Зачем она приехала?». Все чувства к Ларисе, прежде, словно тяжелые увечья, не дававшие ему покоя, куда-то испарились. Ему даже жалко вдруг стало тех чувств, как жалко бывает потерянную вещь, к которой уже привык. Если бы она приехала

еще месяца два назад, он был бы вне себя от счастья, а сейчас не знал, что делать.

Мать пыталась задавать ему какие-то вопросы. Он отвечал на них односложно, словно не хотел продолжать разговор. Мать тоже замолчала, словно была в чем-то виновата, словно она, а не Лариса тогда предала его, выйдя замуж за другого. Лариса тоже шла молча.

Когда они садились в маршрутку, идущую в центр города, Лариса вдруг сказала:

– А мне в другую сторону. У меня здесь тетка живет, у нее и остановлюсь. Поезжайте, я возьму такси.

– Как же так, Ларочка? – удивилась мать. – А премьера?

– На премьеру, Надежда Николаевна, я обязательно приду, там и встретимся, – сказала она и, забрав у Арсения свою сумку, пошла обратно к вокзалу.

– Я оставлю место у администратора, на твою фамилию, – только и успел он крикнуть ей вслед, как маршрутка тронулась.

– Арсюша, разве ты не рад, что Лариса приехала? – спросила его мать.

– Что ж ты мне не сказала, что она тоже приедет?

– Хотела сделать тебе сюрприз...

– А муж ее знает, что она здесь? —

– Да в том-то и дело, что разошлись они. Неделю назад мы с ней на улице случайно встретились, она мне все и рассказала. Я пригласила ее к себе. Мы чай пили с вареньем,

смотрели твои детские фотографии... Вдруг она как расплачется! Что такое, спрашиваю? А она говорит: «Надежда Николаевна, какая я дура! Я ведь только его люблю...».

Арсений ничего не ответил и дальше они снова ехали молча. Когда уже подходили к общежитию, мать вдруг всполошилась:

– Знаешь, Арсюша, а ведь Ларочка мне говорила, что у нее никаких родственников нет, кроме мамы и бабушки... А тут вдруг какая-то тетка взялась. Уж не на вокзале ли она сейчас сидит?

Арсений снова никак не отреагировал на слова матери, но когда пришли в общежитие, он открыл свою комнату, сказал: «Располагайся, я сейчас», и поехал обратно на вокзал.

«Вот и отдохнул перед премьерой», – подумал Арсений снова садясь в автобус. Через полчаса он уже был на вокзале. Ни в зале ожидания, ни около билетных касс Ларисы не было. Он снова вышел на улицу и обошел здание вокзала. «Наверное, действительно, поехала к тетке», – с надеждой подумал он и снова встал на автобусную остановку. Автобуса долго не было. Он порядком замерз и решил зайти в кафе-стекляшку, где можно было взять горячего чая и успеть добежать до автобуса, когда он подойдет. Там за грязным столиком над чашкой чая плакала Лариса. Он подошел и спросил:

– Что, тетки дома не оказалось?

– Ага, – радуясь, что он сам соврал за нее, ответила она.

– Поехали.

– Да нет, я подожду... Она наверное на работе.

Арсений взял ее сумку и пошел к выходу. Ей ничего не осталось, как проследовать за ним.

Вскоре подошел автобус, который пришлось брать штурмом – слишком много было желающих после сорокаминутного ожидания на морозе забраться в теплое, пахнущее соляной нутро.

Разумеется, первым, кто встретил их в общежитии, была Танька Граблина – ее комната находилась близко к входной двери и ничье появление в их «вороньей слободке» не могло пройти без ее участия.

– А вот и наш дебютант с питерской невестой! А мы тут с Надеждой Николаевной уже познакомились. Она на кухне, пироги печет.

– Какие еще пироги? – удивился Арсений.

– К вечеру. Или ты проставляться не собираешься?

– В смысле?

– Ты что и спиртного на вечер не купил?

– Нет.

– Ну так беги скорее в магазин, возьми четыре бутылки водки и шесть шампанского. Понял?

– Понял...

– Тогда беги. А невесту твою мы сейчас устроим, с Аннушкой я договорюсь.

Выйдя за дверь, Арсений снова должен был констатировать факт, что отдохнуть в день премьеры ему не удастся.

Когда он третий раз за сегодняшний день открыл дверь общежития, до спектакля оставалось два часа. Он зашел на кухню, выгрузил бутылки и, не поддавшись на мамины уговоры «съесть, хоть что-нибудь», пошел в театр.

В гримуборных было тихо – так рано на спектакль никто из актеров не приходил. В коридоре костюмерша Лина уныло гладила рубашки. Увидев Арсения, она встрепелулась:

– Здравствуйте, Арсений! Я вам там рубашки подкрахмалила, вы уж выберите, какая больше нравится.

Он поблагодарил и прошел к себе. На его гримировальном столике лежал маленький медвежонок, наподобие тех, кого англичане называют Teddy bear, и открытка с одним словом: УДАЧИ! Он подержал в руках медвежонок и открытку. На сердце стало тепло и в носу сентиментально защипало – от медвежонок исходил знакомый горьковатый запах ее духов. Он выглянул в коридор и спросил у Лины:

– Лин, ко мне кто-нибудь заходил?

– При мне – никто, – ответила костюмерша.

– А ты давно здесь?

– Уже с полчаса.

«Значит, она уже в театре», – сердце его забилося. Он положил медвежонок на место, а открытку, поцеловав, убрал в карман и пошел в сторону женских гримуборных. Уже подойдя к двери с табличкой «Грачевская», понял, что не осмелится зайти, и направился к сцене. Он постоял немного, глядя, как рабочие выставляют декорации, от нечего делать про-

шел по периметру сцены, подобрал пару гнутых гвоздей, которыми прежде был приколочен половик, где-то он слышал, что это хорошая примета и снова пошел в гримерную. В коридоре он лицом к лицу столкнулся с Грачевской.

– Здравствуйте, Галина Сергеевна.

– Здравствуйте, Арсений. Как вы? Отдохнули?

– Отдохнул – соврал Арсений. Спасибо вам за мишку.

– Нашли? А почему вы решили, что это я?

– По духам. Только у вас в театре такие духи.

– Понятно. А что это вы гвозди в руках держите?

– Так примета же... На сцене нашел.

– А вы знаете, что их обязательно надо забить?

– Нет.

– Пойдемте, я вам молоток дам, и вы обязательно их забейте.

Они дошли до ее гримуборной, она вошла туда и вынесла небольшой молоточек.

– Вот, держите. Только потом обязательно отдайте.

– Спасибо. Конечно, отдам. Верну в целости и сохранности. А вы молоток в гримуборной держите специально для того, чтобы гвозди на сцене забивать?

– Ага, – как-то по-детски сказала она.

Он снова дошел до сцены и заколотил два гвоздя. Потом нашел третий и тоже заколотил.

Подойдя к двери Грачевской, он постучался и, услышав «войдите», вошел. Она сидела у зеркала в каком-то легком

воздушном халатике. На мгновение ему показалось, что это фрагмент его ночных видений. Он стоял, не в силах тронуться с места, боясь неосторожным словом или жестом спугнуть это ощущение.

– Хотите кофе? – спросила его Грачевская.

Арсению даже обидно стало, что она так вот разрушила его иллюзию.

– Вашего? Без сахара?

– Ну, почему же, найдется и сахар.

– Тогда хочу.

Она подошла к какому-то мудреному аппарату, стоявшему на соседнем нике не занятом столике, поколдовала над ним, и в воздухе разлился благородный кофейный аромат.

Она протянула Арсению маленькую чашку, другую взяла себе.

– Ну, что же вы? Берите стул и садитесь, – сказала она.

Он взял стул и сел рядом с ней за ее гримировальный столик, на котором лежали разные кисточки и прочие принадлежности для грима. Там же стоял небольшой хрустальный флакончик неправильной формы. Арсений не смог прочитать французское название, но понял, что это те самые духи, которые сводят его с ума. Он молчал, боясь испортить хрупкое блаженство тишины невпад сказанным словом. Она тоже молчала.

– Ну, вот мы с вами и добрались до премьеры... – первой нарушила молчание Грачевская.

– Мне будет очень не хватать наших репетиций... – сказал Арсений, глядя ей в глаза.

– Ну, в репетициях у вас недостатка не будет – сейчас «Чайка» начнется. Вы еще будете мечтать об отдыхе.

Арсений хотел возразить, что ему будет не хватать именно репетиций с ней, но Грачевская почувствовав это, спросила:

– Как кофе?

– Замечательный. После такого кофе не то что Эдвина – Гамлета можно сыграть.

– Нет уж, сыграйте Эдвина – так будет лучше. По крайней мере, сегодня. Идите, готовьтесь.

Уже выйдя от Грачевской, Арсений вспомнил, вдруг, что еще не распевался. Он посмотрел на часы – оставался ровно час – и побежал на вахту брать ключи от вокального класса, потом вспомнил, что не заказал места для мамы и Ларисы и побежал к администратору. Уже начали запускать публику и он, перед тем, как зайти в администраторскую, постоял и посмотрел на своих сегодняшних зрителей.

Время летело с ужасающей быстротой. Когда он сделал все необходимые приготовления к спектаклю – распелся, загримировался и оделся – на него навалилась такая усталость, что возникло желание бросить все к черту и уйти домой. Но прозвучал третий звонок, и началась увертюра. И когда, во время выходной арии Сильвы, по трансляции раздался голос помрежа: «Арсений Гайданский, срочно на сцену, ваш выход!», он побежал на встречу к Сильве, твердо зная, что

сделает все, чтобы она не уехала в Париж...

В антракте к нему зашли Бескудниковы, похвалили за первый акт и пожелали удачи во втором. Подошел Касальский и пожурил за то, что Арсений слишком вольно ведет себя во фраке:

– Ну, как же так! Во фраке и бегом! – сокрушался Павел Петрович.

– Разве нельзя? – удивился Арсений.

– Упаси Боже! А потом, где ваши перчатки?

– Забыл взять... – виновато промямлил Арсений. Он действительно перед выходом положил перчатки на столик по-мрежа, а потом совсем о них забыл.

– О, времена! О, нравы! – горестно воздел руки к небу Павел Петрович и рассказал о своем профессоре князе Му-мушеве, который на полчаса задержал государственный экзамен, когда выпускник, исполняющий роль Бони, забыл дома перчатки. – И побежал домой за перчатками в сорокаградусный мороз! Как миленький побежал! Так что уж не забывайте перчатки, молодой человек, и во фраке не бегайте. А так молодец!

Зашел дирижер Владимир Михайлович, попросил быть повнимательнее во втором акте, так как в первом Арсений пару раз пытался вступить раньше времени. Арсений еле дождался, когда схлынет толпа визитеров, и побежал к Грачевской. Дверь в гримуборную была приоткрыта, но он все же постучал перед тем, как заглянуть.

– Все нормально? – спросил он.

– Пока все нормально, – сказала она. – А что будет дальше – вскрытие покажет.

Он хотел еще что-нибудь спросить, но прозвенел второй звонок.

– С Богом! – сказала ему Грачевская. – Пусть второй акт будет еще лучше. А теперь идите, я должна одеться, чтобы успеть вас посмотреть. Да и вам пора, вы же раньше меня выходите.

У себя в гримуборной Арсений застал Витьку Пурчинского. Он был уже «под газом».

– Ну, что же! Поздравляю!

– Да рано еще...

– Да что там рано. Уже все видно – выходишь в фавор. С самой королевой играешь! Ну что, похрюкивает?

– В смысле...

– Ну, привычка у нее такая, постанывать, когда ее обнимаешь. Я ведь, брат, тоже с ней Эдвина играл, пока тебя не взяли. Мне все известно. Я честно говоря, сначала, как услышал – думал – показалось, потом думал – она ко мне не ровно дышит, а оказалось, она со всеми партнерами так. Актриса – что с нее возьмешь!

На душе у Арсения стало так гадко, как будто ему в глотку залили ведро помоев. Ему страшно захотелось залепить оплеуху по лоснящейся Витькиной физиономии, но прозвучал третий звонок. В гримуборную вбежала вездесущая

Граблина в костюме Стасси:

– Пойдем скорее, тебя все ищут, боятся спектакль начинать! – Она по-хозяйски схватила его за руку и поволокла на сцену.

Сцену и дуэт со Стасси, он играл, словно под наркозом. В ушах все еще звучал наглый жирный голос Пурчинского: «Актриса – что с нее возьмешь!». Ему даже показалось, что пару раз он невпопад ответил на Танькины реплики, но сейчас ему было все равно. Словно раненому зверю, хотелось уйти, уехать, скрыться. Выйдя за кулисы после дуэта, он сделал шаг к двери ведущей в коридор, но крепкие руки Леночки Петренко остановили его:

– Куда пошел, дебютант? Не пуцу, через две минуты следующий выход. Отдыхай здесь, – распорядилась она.

Он стоял в кулисе и смотрел на Грачевскую. «Неужели, она со всеми так?» – с горечью думал он. Ему-то казалось, что только с ним она чуть слышно постанывает, словно сама сходит с ума от желания, а это оказывается, всего лишь ловкий трюк...

Он опешил от неожиданности, когда Леночка с силой вытолкнула его на сцену:

– Ну, что стоишь? Пошел!

Реплики он не услышал, растерялся и совершенно не знал что делать.

– Сильва! – как можно громче шептала за кулисами Леночка.

– Сильва! – почти кричали все актеры стоящие за кулисами.

Наконец, он собрался с силами и сам произнес:

– Сильва!

Дальше текст «приходил» сам, словно действительно рождался в его душе. Он вдруг понял, что это его история, история о нем и о ней. В каждую фразу он вкладывал горечь и боль, занозой сидевшие у него в душе после разговора с Витькой. Он заново переживал со своим героем ревность, любовь, боль утраты и радость обретения. Когда отзвучали финальные аккорды спектакля, он уже не знал: кто он – Эдвин или Арсений. Он был очень удивлен аплодисментами и количеством цветов. Как учил его Алексей Иванович, самый большой букет он вручил Грачевской, а другой – дирижеру. Еще на поклонах, Грачевская повернулась к нему и тихо сказала: «Спасибо вам большое за спектакль. Вы – молодец!». Когда окончательно закрылся занавес, начались поздравления. К нему подходили все: артисты, игравшие с ним спектакль и просто пришедшие посмотреть на него из любопытства, балерины, хористки, оркестранты. В какой-то момент толпа, окружавшая его расступилась, предоставив дорогу худруку. Каляев пожал ему руку и тоже сказал, что он молодец и что он, Каляев, не зря настоял на том, чтобы режиссер из Москвы занял его в роли Треплева. Рядом с ним оказалась Танька Граблина, которая настойчиво зашептала: «Приглашай Сан Саныча на банкет!». «Какой банкет?», – хо-

тел спросить Арсений, но не успел, потому что Танька, видя его нерасторопность, сама пригласила Каляева от его, Арсения, имени.

Постепенно, поздравляющие разошлись и он увидел, стоящих в сторонке Ларису и маму, вытиравшую заплаканные глаза. Только сейчас, вспомнив, что мать целый день в Новокукуйске, а они даже не поговорили по-человечески, он подошел к ней, обнял и потерся щекой об ее щеку, как любил делать в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.